

– Наставник, разве всё вкусное не называют пиршеством бессмертных? Но если у вас, бессмертных, пять чувств настолько обострены, как же вы вообще едите?

Лишь сливаясь и оттеняя друг друга, вкусы разных ингредиентов рожают настоящее лакомство. А когда язык чересчур ясно и отчётливо различает каждый из них... это уже настоящий кошмар.

– Какое ещё пиршество бессмертных? Это называется изысканными яствами. Когда начнёшь совершенствоваться, сможешь есть духовные злаки и духовные растения. Поначалу они тоже кажутся довольно вкусными, но стоит поесть их подольше – и понимаешь: как бы ни были редки все эти диковины со словом «духовный» в названии, в конечном счёте вкус у них один и тот же. Им далеко до сотен вкусов бренного мира. Есть, конечно, и духовные повара, вступившие на Путь через кулинарию, однако путь этот крайне тяжёл. В блюдах поваров с низкой культивацией слишком много нечистот, и есть их могут лишь практики низших ступеней. Но тем и без того едва хватает времени на совершенствование, поэтому они предпочтут отказаться от пищи, а не станут есть подобное. Что до поваров с высокой культивацией... Им трудно раздобыть нужные ингредиенты. Ведь всё, что им требуется, одновременно является лекарственным сырьём, а если кому-то достаются такие духовные сокровища, их скорее пустят на пилюли. Сами же духовные повара не слишком сильны в бою – где им искать ингредиенты?..

Гу Цзыцзю задал всего два простых вопроса, а Ли Биньчэн с измученным видом выдал целую речь. Гу Цзыцзю стряхнул с лапок крошки и посмотрел на него. Дождавшись, пока после долгого вздоха наставник наконец умолкнет, он спросил:

– Наставник, вы хотите сказать, что всё, что я ем, – нечистоты?

– Да! Кхм... нет! «Нечистоты» – лишь название, на самом деле это просто примеси. Ученик, ничего страшного: твоя культивация пока очень-очень низка, так что для тебя нет никакой разницы, чем питаться! – Ли Биньчэн отчаянно пытался объяснить, но чем больше говорил, тем хуже всё звучало. Наконец он махнул рукой: – В общем... ты будешь есть или нет?!

Гу Цзыцзю посмотрел на разноцветный тушёный тофу в следующей лавке и облизнул губы:

– Буду!

Пусть Гу Цзыцзю и выглядел так, словно в прошлой жизни умер от голода, на самом деле он не

только ел... Честно!

Он ещё и наблюдал за простыми людьми бренного мира. Мужчина, скрепя сердце купивший две лепёшки с мясом, разломил их и украдкой переложил большую часть начинки из одной в другую, а ту, где мяса стало больше, отдал жене. Семья из трёх человек купила всего одну порцию супа из красной фасоли. В чашах родителей была лишь вода, и они смотрели, как ребёнок глоток за глотком выпивает сладкий суп. Старший брат купил палочку сахарного боярышника, понюхал её, дважды сглотнул слюну, затем поднял с земли пустую шпажку, сказал, что уже всё съел, и отдал сладость младшей сестрёнке.

[Значит, чувства... это когда отдаёшь всё хорошее тому, кто тебе дорог?]

[QAQ Д-да.]Хозяин, вы наконец-то вспомнили о своём системном помощнике? Ы-ы-ы...

Гу Цзыцзю облизнул губы. Эти люди, глядя, как едят и пьют их близкие, испытывали куда больше счастья и радости, чем если бы ели сами. Их улыбки словно истекали мёдом.

[Это и вправду настолько прекрасно?]

[Хозяин, вы ведь именно потому и решили это испытать, что не знаете, каково оно – это прекрасное чувство?]

[Тоже верно...]

[Вот именно. Поэтому, хозяин, (ω) вам не кажется, что пора получше относиться к вашему системному помощнику – то есть ко мне? Ведь дарить мне вещи вы пока не можете... Хозяин? Хозяин? QAQ]

– Время почти вышло, Цзыцзю. Можешь попробовать ещё одну-две вещи, и нам придётся уходить.

→ _ → Да, они начали есть ещё на дневном рынке и добрались уже до ночного...

- Наставник, можно мне купить что-нибудь для младших соучеников?

- Уже научился заботиться о младших? Хорошо, хорошо! Что же ты хочешь им купить?

- Мясные лепёшки, суп из красной фасоли и сахарный боярышник?

- Оба ребёнка из зажиточных семей. В такое время они наверняка уже вышли из дома сытыми, так что мясные лепёшки и суп ни к чему. А вот сахарный боярышник в самый раз – вы, дети, его любите.

- Хорошо.

Гу Цзыцзю кивнул и вместе с Ли Биньчэном купил три палочки сахарного боярышника. Сил у него хватало, и удержать такую безделицу было нетрудно, но ладошка у него была маленькой, поэтому выглядело это неловко.

Увидев его, Ли Биньчэн сказал:

- Хотя заплатил наставник, предложил купить их ты. Значит, и вручить должен собственноручно.

- Да, наставник.

Получив ответ, Ли Биньчэн больше не вмешивался. В следующее мгновение они уже парили в небе. Едва оба остановились, снизу взлетели две маленькие фигурки – Дуань Шаобо и И Чжэнь.

Оба переоделись. Глаза у них распухли и покраснели, по щекам текли слёзы. Очевидно, они только что прощались с родными, когда их внезапно подняли в воздух.

- Наставник.

Дуань Шаобо вытер слёзы, поклонился и послушно замер.

И Чжэнь тоже поклонился:

– Старший боевой дядя, родители сказали, что хотят отправить со мной слугу, чтобы тот обо мне заботился...

– В секте Меча нет обычая держать прислугу. Если хочешь взять слугу, можешь возвращаться домой.

– Нет-нет! Я не вернусь! – И Чжэнь поспешно замотал головой и добавил: – Старший боевой дядя, у меня ещё есть багаж...

– Никакого багажа не нужно. Когда прибудем в секту, всем необходимым тебя обеспечат. Остались ещё вопросы?

– Нет...

– Тогда отправляемся.

Ли Биньчэн кивнул, и все четверо полетели на север.

Дождавшись, пока наставник закончит говорить, Гу Цзыцзю поднял сахарный боярышник и подошёл к мальчикам:

– Младший Шаобо, держи. Младший Чжэнь, держи.

Оба поблагодарили его и приняли сладости. Однако И Чжэнь, взяв сахарный боярышник, слегка нахмурился и недовольно поджал губы. Дуань Шаобо тоже был подавлен, но, посмотрев на сладость, всё же постарался улыбнуться Гу Цзыцзю.

Однако ни недовольное выражение, ни улыбка...

[Я подарил им что-то, но никакой радости не почувствовал...]

[Хозяин, я только что проследил за обстоятельствами обоих ваших младших соучеников. Они оба мечтают о совершенствовании. Но Дуань Шаобо прежде считал, что у него ложный духовный корень, поэтому был счастлив уже оттого, что нашлось место, где согласились его принять. Он относится ко всему спокойнее. Семья И Чжэня ещё богаче, чем семья Дуань Шаобо, а сам ребёнок довольно горд. Он, конечно, обрадовался, что его взяли в секту Меча, но вместе с тем считает, что, даже откажись секта его принять, недостатка в других предложениях у него не было бы. Так что причины, по которым эти двое тогда сохраняли спокойствие, совершенно разные.]

[А какое это имеет отношение к подаренному мной сахарному боярышнику?]

→ _ → Вообще-то системный помощник хотел воспользоваться случаем и показать, какой он полезный. Он даже умеет следить за людьми на расстоянии! Но хозяина подобные мелочи явно совсем не интересовали QAQ

[Дело в их семьях. Для них одна палочка сахарного боярышника ничего не значит. К тому же дети только что расстались с родителями и теперь грустят, им вовсе не до еды. Да ещё и гордость. Уже то, что они спокойно приняли подарок, а не швырнули его вам в лицо, говорит о хорошем воспитании.]

Не успел системный помощник договорить, как И Чжэнь украдкой перебрался на другую сторону от Ли Биньчэна, присел и, зажмурившись, осмелился протянуть руку вниз. Под ногами у них, казалось, была лишь пустота. Обнаружив, что воздух внизу можно коснуться рукой, а сами они при этом словно стоят на твёрдой земле и не падают, И Чжэнь обрадовался и... выбросил сахарный боярышник!

Закончив, он вытер ладонь платком и с улыбкой отправил следом платок.

Гу Цзыцзю: – ...

Так называемая «другая сторона» была отделена от него лишь Ли Биньчэном. И пусть на том были широкие одежды с просторными рукавами, скрыть они ничего не могли. Гу Цзыцзю от начала до конца всё прекрасно видел!

[Ну... хозяин, вы сами довольно долго держали сахарный боярышник и должны понимать, что детской рукой его удержать непросто. К тому же с него стекает сахар... И Чжэнь сейчас

расстроен. Каким бы смышлённым он ни был, ему всего пять лет, так что...]

[Если он не хотел, мог вернуть его мне или вообще не брать! Зачем отворачиваться и выбрасывать? Теперь я не просто не почувствовал ничего прекрасного – я увидел лишь уродство!]

Гу Цзыцзю было и обидно, и досадно. Это ведь был первый подарок, который он кому-то сделал!

Обиженный Гу Цзыцзю сердито развернулся к Дуань Шаобо. Если тот тоже не будет бережно относиться к его сахарному боярышнику, он заберёт сладость обратно!

А что делал Дуань Шаобо? Он аккуратно и чинно ел сахарный боярышник. Самую верхнюю ягоду он уже съел, поэтому теперь мог держать шпажку обеими руками, ухватившись с двух сторон, и понемногу откусывать. Ел он сосредоточенно и старательно. Когда Гу Цзыцзю посмотрел в его сторону, мальчик как раз слизывал крупницу сахара с бамбуковой шпажки.

[...Я понимаю, что это ещё не значит, будто я испытал прекрасное чувство, но мне и вправду стало намного лучше. Хотя, наверное, это не то прекрасное, которого я хотел. Просто... нечто прекрасное в сравнении?]

[Хозяин, (□ω) я как раз знаю фразу, которая точно описывает ваши чувства: всё познаётся в сравнении.]

[Похоже, ты прав, но я всё равно совсем не рад.]

Вскоре И Чжэнь вернулся и потянул Гу Цзыцзю за одежду:

– Спасибо, старший соученик. Сахарный боярышник был очень вкусным. А ты разве не будешь есть свой?

– Не твоё дело.

Гу Цзыцзю отвернулся, показав ему затылок, и сосредоточенно продолжил смотреть, как ест

Дуань Шаобо.

Дуань Шаобо уже довольно долго чувствовал на себе его взгляд. Поначалу мальчику стало не по себе, но, подняв голову, он понял, что Гу Цзыцзю не желает ему зла и даже улыбается. Ребёнок был незлопамятным и потому продолжил спокойно есть. Услышав их разговор, он испуганно вздрогнул: ему вовсе не казалось, что со старшим соучеником трудно поладить.

И Чжэнь был маленьким ребёнком, только что расставшимся с семьёй. Получив от Гу Цзыцзю столь резкий ответ, он тут же... расплакался.

Он не рыдал во весь голос, но всхлипывал без остановки, то и дело заходясь плачем и икая.

- Цзыцзю... - позвал Ли Биньчэн.

Смысл был предельно ясен: ты довёл его до слёз - ты и успокаивай.

- Почему ты плачешь? Ты выбросил подаренный мной сахарный боярышник - значит, не хочешь со мной дружить?

Гу Цзыцзю, всё это время стоявший к И Чжэню спиной, развернулся и задал вопрос с непоколебимой уверенностью в собственной правоте.

[□○□○□Он всего лишь пятилетний ребёнок! Пятилетний ребёнок...]

[Мне пять лет.]

[(¬ «ε:)]

- Ик!

И Чжэнь от испуга перестал плакать. Осознав, что его поступок, который, как ему казалось,

заметил в худшем случае лишь старший боевой дядя, видел и Гу Цзыцзю, он тут же вспыхнул от унижения и разозлился:

– К-кому нужен твой сахарный боярышник?! Грязный и липкий! Его и надо было выбросить!

– Наставник, теперь всё в порядке, – кивнул Гу Цзыцзю.

Он снова отвернулся, показывая И Чжэню затылок.

Когда вспышка гнева прошла, И Чжэнь опять начал всхлипывать. Похоже, он хотел извиниться, но гордость не позволяла. Оставалось лишь жалобно смотреть на Ли Биньчэна, который недавно вмешался. И Чжэнь попытался ухватиться за его одежду, но не смог дотянуться, поэтому так и остался стоять на месте, плача и зовя:

– Старший боевой дядя...

Он явно ласкался к взрослому и просил помочь.

Но для Ли Биньчэна ученик был только один, а двое других достались в придачу. Он вмешался лишь для того, чтобы посмотреть, как поведёт себя его ученик, и уже всё увидел. Зачем ради тех, кто достался в придачу, заставлять собственного ученика терпеть обиду?

Заметив, что никто не собирается обращать на него внимания, И Чжэнь сморщил личико, отчего стал похож на паровую булочку. Он стиснул зубы и наконец произнёс:

– Старший соученик, я был неправ. Не игнорируй меня. Подумаешь, одна палочка сахарного боярышника! Когда вернёмся, я куплю тебе десять!

Гу Цзыцзю заметил, что Дуань Шаобо, доев последний кусочек, открыл рот, явно собираясь что-то сказать. Но, услышав слова И Чжэня, снова закрыл его.

– Что ты хотел мне сказать?

– Сначала я хотел попросить старшего соученика больше не сердиться на младшего... Но младший соученик неправильно извиняется...

Вокруг было тихо. Пусть И Чжэнь и плакал довольно громко, он всё равно расслышал слова Дуань Шаобо:

- Как ты можешь говорить обо мне гадости?!

- Ты правильно сделал, что извинился перед старшим соучеником. Но дело вовсе не в том, сколько палочек сахарного боярышника ты ему купишь. Ты... ты не должен был принимать подарок, а потом выбрасывать его.

- Так всё равно дело в сахарном Боярышнике! И вообще, никакой это не Сахарный боярышник! Ты только что тоже говорил старшему соученику обо мне гадости! Какое ты имеешь право?!

И Чжэнь бросился к Дуань Шаобо, намереваясь толкнуть его, но Гу Цзыцзю первым отшвырнул И Чжэня:

- Он не говорил о тебе гадостей! Я сам всё видел! Ты плохой человек! Я не хочу с тобой дружить!

Системный помощник заявил: (□□□) Моему хозяину в этом году... точно исполнилось пять? Может, ему на самом деле три?

- Эх... - Ли Биньчэн тоже почувствовал, что голова идёт кругом.

Он взмахнул рукавом. И Чжэнь и Дуань Шаобо тут же закрыли глаза, повалились на землю и крепко уснули.

Мир наконец погрузился в тишину...

- Ученик, когда наставник тебя окликнул, он лишь хотел посмотреть, как ты ладишь с другими.

- В конце концов мы поссорились. Я поступил неправильно?

- Нет. Ты ясно понимаешь, кого любишь, а кого ненавидишь. Это хорошо, и наставник рад.

Однако не всё, что у тебя на уме, непременно следует высказывать.

- Не понимаю...

- Перед тем как что-либо сделать, следует подумать о последствиях. Например, сейчас вы разругались. Если бы наставника здесь не было, как бы ты всё уладил?

- Я бы оглушил его, - Гу Цзыцзю указал на И Чжэня. - Вообще-то, наставник, вы опередили меня совсем чуть-чуть.

- Кхм, это... - Ли Биньчэн облизнул губы. - Тоже неплохо.

Однако настроение у него стало каким-то странным. На словах он назвал решение неплохим, но на самом деле ничего хорошего в нём не видел. Напротив, ему стало немного... тревожно?

А причиной тревоги было...

«Неужели отныне мне придётся жить среди бесконечных детских ссор?»

Даже один ученик заставлял столько переживать. Уму непостижимо, как выживают те, кто нарожал целую ораву. Взять хотя бы отца Цзыцзю - у того в общей сложности больше сотни сыновей и дочерей. Хотя нет, отец Цзыцзю только порождал детей, но не растил. Большинство из них его даже никогда не видели.

«Значит, эта тревога появилась потому, что мне не всё равно. Если бы мне было безразлично, я просто вернулся бы в секту и бросил их там как попало...»

Гу Цзыцзю вдруг почувствовал, как изменилась аура наставника. Он не мог объяснить, что именно произошло, но она словно стала мягче.

А затем Ли Биньчэн снова погладил его по голове:

- Цзыцзю~ Ученик мой~

- Наставник?

- Мы с тобой будем учиться вместе.

- Что?

- Тебе предстоит постичь чувства, но, по правде говоря... наставник и сам в них не слишком сведущ.

Гу Цзыцзю приподнял бровь:

- Наставник, так вы взяли меня в ученики - это всё равно что нашли мне младшего соученика?

<http://bllate.org/book/19889/1985355>